

ДРУГИЕ
МИРЫ

Маргарита Максимова

ИСТОРИЯ
ЗОЛУШКИ

Маргарита Максимова

История Золушки

Серия «Другие миры (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444517

История Золушки:

ISBN 978-5-17-157678-3

Аннотация

Это другой мир, пусть он и похож на наш собственный. Идет война, отдаленно напоминающая Вторую мировую. Незнакомые нам люди, чем-то все-таки похожие на реальных героев былых времен. И это история большой любви. Бывает же такое: она – командир эскадрильи, а он ее вedomый. Она – одна из немногих женщин, добившихся права летать и сражаться в воздухе, он – аристократ голубых кровей, которого не повышают в званиях и не награждают орденами, потому что он отказался уйти в тыл, жениться и завести наследников. Два очень разных человека, интересный мужчина и красивая женщина, две ничем не похожих одна на другую судьбы и одна огромная любовь на двоих.

Содержание

Обращение к читателям	5
Глава 1	6
Глава 2	38
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Маргарита Максимова

История Золушки

© Маргарита Максимова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Обращение к читателям

Дорогие читатели, все, что вы прочтете в этой книге, плод фантазии автора. Любые совпадения имен, названий географических объектов, образцов техники, а также исторических событий, случайны и не намеренны. Описания воздушных боев частично взяты из многочисленных воспоминаний пилотов времен Второй мировой войны, причем не только советских, но и американских, немецких, финских и английских. Все это собиралось в голове автора и в кратких записках в течение многих лет, так что теперь трудно сказать, что и откуда попало в эту книгу. Приношу за это свои искренние извинения авторам мемуаров, но, насколько я знаю, ничьих авторских прав автор не нарушил, так как цитирование, если оно есть, ограничивается минимальным количеством фраз, большинство из которых к тому же подверглось редактированию.

Глава 1

Дождь усилился, стемнело и ощутимо похолодало. Время подходило к восьми, но автобус так и не пришел. Оставалось надеяться на попутку, однако кто и зачем попрется на ночь глядя по дороге, ведущей в никуда, – вопрос скорее риторический, чем по существу. Ответ очевиден. Никто. Поскольку некуда и незачем. Во всяком случае, не в это время дня и не в такую погоду.

Кира повела плечами, ощущая, как влажный озноб проникает даже под кожаный реглан, и, присев на чемодан, попробовала закурить. Впрочем, если день не задался, то сразу во всем. Отсыревшие спички не зажигались. Ломались, шипели, исторгая вонючий дым, но не горели. И, как водится, чем дольше длились ее мучительные попытки добыть этот чертов огонь, тем сильнее хотелось курить.

– Да что ж это, твою...! – выругалась она после очередной неудачной попытки.

Изо рта вырвался клуб пара, тут же пробитый мелкими каплями дождя, добравшегося до Киры даже под навесом автобусной остановки, и в этот момент на дальнем плече дороги вспыхнули фары.

«Так вот ты какое, женское счастье! – Кира выбросила размокшую папиросу и, встав с чемодана, быстро вышла на середину дороги. – Ну, судари мои, посмотрим теперь, кому

на Руси жить хорошо!»

Машина стремительно приближалась. Мотались по сторонам, разбрызгивая жидкий мрак, желтоватые лучи от мощных, словно прожекторы ПВО, фар, а рука Киры уверенно нащупывала в кармане реглана переложенный туда «страха ради» ввиду ночного времени суток неуставной швейцарский «люгер».

– Стой! – заорала она, когда оказалась в свете фар, и тут же вскинула руку с зажатым в ней пистолетом.

В том отчаянном положении, в котором она оказалась, Кира была готова даже на крайности. И если бы – не дай бог, конечно же – водитель «пошел на таран», она бы ему, болезному, влепила напоследок восемь граммов чего-то там, – ну, не свинца же в самом деле! – прямо сквозь лобовое стекло. Однако обошлось. Машина давить ее не стала: притормозила загодя, тихо приблизившись накатом, и встала метрах в трех перед Кирой. Водитель, судя по всему, не зевал и заметил вышедшего на дорогу человека издалека, благо фонарь на автобусной остановке был хоть и плохонький, но кое-как дорогу освещал.

– Это ограбление?.. – водитель легковушки, который уже рассмотрел, наверное, в свете фар, что имеет дело пусть и с военной, но все же с женщиной, вышел под дождь и стоял теперь там, у открытой дверцы автомобиля, похожий на тень отца Гамлета. Черная невнятная фигура, если смотреть против света. Но голос, очевидно, мужской, что не странно в

таком месте и в такое время, – и полон откровенной иронии.

– Нет! – Кира опустила руку, но убирать «люгер» в карман не стала, мало ли что. – Попутку до сто седьмого километра ищу.

– На Чертову Мызу, что ли? – поинтересовался водитель, по-прежнему стоявший вместе с Кирой под мелким холодным дождем.

– Может быть, вы еще и номер воинской части назовете? – вопросом на вопрос ответила Кира.

– Слушайте, офицер, – не задумываясь ответил незнакомец, – сдался вам этот гребаный номер, если вы направляетесь на аэродром Чертова Мыза? Я ведь правильно понимаю, вас тут ссадил кто-то, направлявшийся в Вестбигду. Сказал, ждите, мол, автобус, и уехал. Так?..

– Допустим! – Кира уже поняла, что собеседник не опасен, но все равно осторожничала. Привычка – вторая натура, не правда ли? И приказы «о бдительности» никто пока не отменял.

– Ну, вот и отлично! – откровенно усмехнулся мужчина. Впрочем, вышло это у него не зло и не обидно. – Автобус уже не придет, но вам повезло, я как раз еду на аэродром и с удовольствием вас подвезу. С чемоданом помочь?

– А вы?.. – Кира замялась, ей вдруг стало неловко спрашивать незнакомца, кто он и откуда, но и не спросить не могла. Все-таки ночь, лесная дорога, военное время, то да се...

– Виноват, не представился! – понял ее, что называется, с

полуслова мужчина. – Поручик Львов, Яков Иванович.

– Капитан Амелина, – Кира опустила пистолет в карман и повернулась к чемодану.

– Капитан или?.. – уточнил поручик Львов.

– Штабс-капитан¹, – бросила Кира через плечо.

– А по имени-отчеству, госпожа штабскапитан?

«Вот же зануда!»

– Кира Дмитриевна.

– Приятно познакомиться, Кира Дмитриевна! Так что, с чемоданом помочь, или как?

– Или как! – Кира подхватила тяжелый чемодан и вернулась к автомобилю, оказавшемуся при ближайшем рассмотрении довольно дорогим, хотя и порядком потрепанным гражданским вездеходом «Ермак». – Откроете багажник, или просто положить на заднее сиденье?

– Кидайте назад и поехали! – поручик уже вернулся на водительское место и теперь неторопливо и с видимым удовольствием закуривал.

– Закурить предложите? – Кира запихнула чемодан на заднее сиденье и теперь устраивалась рядом с поручиком.

– Угощайтесь! – протянул ей мужчина коробку асмоловских папирос.

Он был одет в полевую форму, но ни наград, ни обычных

---

¹ В РИА звание капитан стояло выше звания штабскапитан (сразу перед подполковником). В неформальной обстановке, однако, эти различия не подчеркивались.

для пилотов значков у него не было. Только погоны и «крылышки» ВВС. Странная история, если разобраться. Даже у зеленого подпоручика – только что из-за парты – на груди, слева, что-нибудь да нарисуеться. Значок парашютиста, «поплавок» училища, еще какая-нибудь ерунда. Но этот поручик на новичка не походил. Мужуку лет тридцать, если не больше, едет на своей машине – тут у Киры и сомнений не возникло, курит дорогие папиросы...

«И где, спрашивается, его шинель? Осень все-таки на дворе!» – она прикурила от предложенного огня и теперь рассматривала у поручика Львова шрам, спускавшийся слева по челюсти вниз, на шею. Однако и шевронов за ранения на форменной тужурке Якова Ивановича не нашлось тоже.

«Просто, табула раса² какая-то, а не офицер императорских военно-воздушных сил!»

– Выпить хотите? – поручик смотрел на нее с интересом, но без обычных для мужских коллективов на войне смущения или наглости. А вот на дорогу почти не смотрел.

«Пилот, – решила Кира, – и, возможно, неплохой. Ведет уверенно, без суеты, без напряжения... И не выпендривается».

– Спасибо, – сказала вслух. – С удовольствием.

– Если не брезгуете, пейте прямо из горлышка, – поручик достал из-под сиденья початую бутылку старки и протянул Кире. – Стакана у меня все равно нет. Разве что у вас свой

---

² *Tabula rasa* – табула раса – чистая доска (лат.).

в запасе имеется.

– Есть где-то в чемодане... – Кира взяла бутылку, вытащи-
ла пробку и, обтерев платком горлышко, приложилась на два
длинных глотка. Горькая струя пролилась на язык, скользну-
ла в горло. Жидкий огонь имел вкус осени, пах домом, яб-
локами, опавшими листьями.

– Спасибо! – сказала, возвращая бутылку. – Очень хоро-
шая старка. И недешевая, я думаю...

– Из старых запасов. Таковую теперь и за деньги не ку-
пишь, – поручик убрал бутылку, коротко глянул на Киру. –
Значит, вы новый командир второй эскадрильи, я правильно
понимаю?

– Я служебные дела с незнакомыми людьми не обсуж-
даю, – пыхнула дымом Кира. – Со знакомыми, впрочем, то-
же. Вы пилот?

– Как и вы.

– Почему знаете? – по-простонародному удивилась Кира.

– Пальцы крепкие! Вон как пробку достали!

– Ну да! – кивнула Кира. – Это я могу! А вы наблюдатель-
ный.

– Истребитель.

– Я догадалась. И летаете конечно же во второй эскадри-
лье.

– Ваш будущий подчиненный, стало быть.

– На вопрос ответите?

– Даже и не спрашивайте, – усмехнулся в ответ поручик. –

Сначала посмотрите мое личное дело. С командиром полка поговорите. Там видно будет.

– Ну, хоть какое училище закончили, скажете? – упорствовала Кира.

– Нет, – покачал головой Львов. – Ничего я вам, командир, не скажу, и не обижайтесь! Мне начдив лично запретил. Будут вопросы, идите к нему, но я бы не советовал. Он всех на хер, простите за выражение, посылает, пошлет и вас. А оно вам надо с вашими-то проблемами?

«С моими проблемами...»

– Что вам известно о моих проблемах? – получалось, что она попалась на самую примитивную провокацию, какую мог измыслить охочий до таких шуток мужской мозг. Теперь приходилось выстраивать тактику беседы на ходу.

– Амелина, – повернулся к ней Львов. – Фамилия запоминающаяся. Вы Качинское училище, Кира Дмитриевна, закончили в сороковом году. Я это случайно запомнил. Десять лет прошло, из них три года войны... Звание штабс-капитан, ни то ни се... Наверняка пара-другая орденов, а должность – командир эскадрильи. Оно и понятно, в Академию вас не приняли, потому что женщина. За линию фронта летать запрещено. Да и вообще, армия – мужской клуб, в нем женщин за другое ценят...

– Да вы, поручик, философ! – усмехнулась Кира, скрывая горечь за завесой табачного дыма.

Увы, но в словах Львова было больше правды, чем ей хо-

телось бы признать. Киру в свое время и в училище брать не хотели. И после выпуска из армии едва не поперли. То есть поперли, вообще-то, потому что женщин – военных летчиков в Российской империи не существовало по определению.

– И не будет никогда! – сказал ей багроволицый генерал-лейтенант. – Идите, барышня, и займитесь чем-нибудь полезным. Детей вот хоть рожайте, или еще что! А армию оставьте нам, мужчинам. Не по-христиански это, барышень в бой посылать. Не по-людски!

Но на ее счастье как раз случился греко-турецкий конфликт, быстро переросший в полномасштабную войну, и царь Константин начал спешно вербовать волонтеров в свои недоразвитые ВВС. Там, впрочем, тоже не обошлось без осложнений...

Греческий полковник с сомнением изучил Кирины бумаги, поморщился как от зубной боли, но вынужден был признать, что, будь госпожа Амелина мужчиной, он бы и минуты не сомневался. Но женщина летчик? Боевой летчик истребитель? Nonsense, господа. Абсолютный nonsense! И все-таки, все-таки ему нужны были истребители, знакомые с новой техникой, а Кира на всем этом летала и, судя по документам, летала неплохо. Это и решило дело...

То есть, по существу, Львов был прав, но его правота Кире

решительно не нравилась.

– Вы еще забыли упомянуть про мое происхождение, – со злости добавила она вдогон, вспомнив про те свои мытарства.

– Ну, это очевидно, – отмахнулся поручик. – Вы не дворянского рода... Что-то еще? – нахмурился он вдруг. – Амелина вроде бы не еврейская фамилия... Или вы из татар?

– Староверы мы, – усмехнулась успевшая «выпустить пар» Кира.

– Вот оно как! – искренне удивился Львов. – Кержачка? Откуда, если не секрет?

– Тобольские чалдоны, – нехотя объяснила Кира.

– Надо же, а по речи и не скажешь! Это ведь я вас на арапа брал, Кира Дмитриевна, когда сказал, что не дворянка. Речь у вас, штабс-капитан, вполне за дворянскую сойдет.

– Ну, так я только по происхождению чалдонка. Кержакам теперь никто не указ. Я в Новгороде росла.

– Столичная штучка, выходит! – улыбнулся мужчина. – Еще выпить хотите?

– Да нет, – покачала головой Кира. – Достаточно, наверное. Еще не хватало пьяной в часть прибыть!

– С пятидесяти-то грамм?

– Все равно не стоит!

– Ну, не стоит так не стоит, – согласился поручик. – А мы, к слову, приехали. Так что добро пожаловать на борт, госпожа штабскапитан!

Кира, отвлекшаяся на разговор, огляделась. Впереди, перед капотом вездехода, уходившую в ночь дорогу перегораживал шлагбаум, а от сторожевой будки к остановившейся машине уже шел часовой с автоматической винтовкой на плече.

«Чертова Мыза, надо полагать... Быстро доехали!»

* * *

Несмотря на поздний час, командир полка полковник Сиротин оказался на месте. Сидел в своем кабинете. Работал.

«Опять свезло!»

Кира вошла в кабинет, остановилась напротив полковника и взбросила руку к козырьку фуражки.

– Штабс-капитан Амелина...

– Здравствуйте, Кира Дмитриевна! – вежливо остановил ее Сиротин. – Душевно рад знакомству! – протянул он руку, вставая из-за стола.

– Полковник Сиротин, Григорий Леонидович, – представился комполка и тут же перешел к делу: – От чая, думаю, не откажетесь? Или, возможно, проголодались? Приказать принести бутерброды?

Напор у полковника был чисто истребительный, но в глазах этого невысокого полноватого офицера к естественному в данном случае выражению интереса примешивалась известная доля добродушия. Оно же звучало в голосе коман-

дира, и это был скорее хороший признак, чем наоборот.

– С удовольствием! – улыбнулась в ответ Кира, давно забывшая, что такое стесняться, когда тебе предлагают поесть. – И чай, и бутерброды... И выпить, если случится, тоже не откажусь. Мне сегодня не летать!

– Ну, вот и славно!

Полковник быстро отдал распоряжения вестовому и вернулся к столу, предлагая Кире сесть напротив него.

– Пару вопросов, если позволите.

– Вы же командир, Григорий Леонидович! Спрашивайте, – Кира как раз закурила и, отведя глаза от погасшей спички, выжидательно посмотрела на Сиротина.

– Сколько у вас боевых вылетов, Кира Дмитриевна? – полковник тоже закурил. Неторопливо, как бы нехотя, но взгляда не отвел. Смотрел все с тем же выражением добродушно-го интереса.

– Шестьдесят девять, – Кира знала, что все это можно прочесть в ее личном деле, но полковник хотел услышать цифры от нее самой. Его право. – Воздушных боев семнадцать. Сбитых – восемь, плюс один – в группе.

– То есть ас, не так ли?

– Наверное, ас, – пожала плечами Кира, которая сбила своего первого бомбера еще на той, Греко-турецкой войне. Близ острова Родос, в первом бою.

– Но почти два года служили на штабных должностях... Дивизия, армия, корпус... Интересный опыт?

– Да, пожалуй, – согласилась Кира. – Но мне, знаете ли, хотелось летать. Вы же летчик, господин полковник, должны понимать.

– А вам, стало быть, летать запрещали?

– Не запрещали, но...

– Да, – согласился Сиротин, – я понимаю разницу между учебными полетами и боевыми вылетами. В этом смысле у нас здесь раздолье: ешь – не хочу, как говорится. Зона ПВО, да и линия фронта не так чтобы далеко. Но вы, капитан, уж, бога ради, не зарывайтесь. Вам туда нельзя, помните, поди, указ от седьмого сентября?

– Помню, – кивнула Кира, зная этот указ, что называется, наизусть. – Можете не беспокоиться, Григорий Леонидович, я законопослушная гражданка империи и дисциплинированный офицер.

– Ну, вот и славно! И чаек как раз поспел.

Минуту или две Кира молча наблюдала за тем, как ординарец полковника обустроивает рабочий стол Сиротина под поздний ужин «с добавкой»: бутерброды, сушки с маком, крепкий чай и бутылка чего-то светло-коричневого.

– Самогоночка, – усмехнулся Сиротин, перехватив взгляд Киры. – На орешках... Приходилось пробовать?

– Смотря какие орешки.

– Уместное уточнение, – кивнул Сиротин, разливая самогон по стаканам. – На треть, не возражаете?

– В самый раз, – поблагодарила Кира. – Так какие орехи,

Григорий Леонидович, если это, конечно, не секрет?

– Кедровые, – улыбнулся полковник, отставляя бутылку в сторону. – Инженер полка у нас, видите ли, родом из Томска. Вот и снабжает. Ваше здоровье!

Выпили. Кира, выпивавшая уже второй раз за вечер, не расслаблялась. Закусила сразу, без стеснения подхватив с тарелки бутерброд – кусок пшеничного хлеба с горчицей и салом. Откусила, все под тем же внимательно-благодушным взглядом полковника, заработала челюстями.

– Красиво едите.

– Что, простите? – удивилась замечанию Сиротина Кира.

– Едите, говорю, вы красиво, Кира Дмитриевна. Напомнили мне, знаете ли, сестру... Младшую... Впрочем, это я так, на правах старшего. Не столько по званию, – усмехнулся полковник, оценив, должно быть, «искру бешенства», промелькнувшую в глазах Киры, – сколько по годам. Но вернемся, как выражается супостат, к нашим баранам.

– Да уж лучше о делах, – согласилась Кира, стараясь погасить неуместное раздражение.

– Эскадрилья вам досталась хорошая, – полковник отвел взгляд в сторону и смотрел теперь на карту, приколотую к стене справа от него. – Пилоты опытные, ТВД знают хорошо. Дисциплина... Ну, тут вам и карты в руки, Кира Дмитриевна. Вы командир, с вас и спрос. Предшественник ваш – царствие ему небесное – хороший был истребитель, но командир, строго между нами, так себе. Вольницу, знаете ли, раз-

вел... Демократия, будь она неладна, алкоголь, женщины... Либертарианец, одним словом! Ну да чего уж теперь! Придется укорачивать. Справитесь?

– А куда они денутся? – пожала плечами Кира и взялась за второй бутерброд. Когда еще удастся «перекусить»?

– Ну, опыт у вас есть, – согласился Сиротин. – Но учтите, Кира Дмитриевна, фронтовые авиаторы – это вам не штабные... – последнее слово полковник не произнес. Изобразил его невнятным движением руки, но Кира его поняла и без слов. «Штабные шалавы», куда уж понятней.

«В штабах шлюхи, в полках сукины дети, – грустно усмехнулась она. – Так и воюем...»

– Справлюсь!

– Ну, бог вам в помощь! Да и я, если что, поспособствую. Договорились?

– Так точно!

– Ну и славно, – кивнул Сиротин и поднял наконец чашку с чаем. До губ, впрочем, не донес.

– Еще что-то? – задумался, снова взглянув на карту. – Противник?

– А что противник? – заинтересовалась Кира.

– Ночные бомбардировщики... это как везде. Двухмоторные «нортропы» и четырехмоторные «галифаксы» и «ланкастеры». Пилоты, если судить по результатам, не ахти. Одним словом, массовка. Но ходят супостаты большими стадами, да и найти их в темноте, даже с помощью станций на-

ведения, та еще морока. Дневные – «бостоны» в основном, но это не каждый день, и только когда работают по нашим аэродромам или по береговым батареям. Эти в большинстве своем или бритты, или исландцы. Хладнокровные мужчины, серьезные, опытные. С истребителями в бой вступать не боятся, но им, собственно, и тревожиться не о чем. Без драбантов³ на эту сторону никогда не залетают. А истребители сопровождения у лиходеев натерелые, и машины у них хорошие. «Кувшины»⁴. Знаете, поди, Кира Дмитриевна?

– Знаю. Один даже сбила, – не без гордости сообщила полковнику Кира, действительно открывшая в этой войне счет сбитых самолетов именно с «Тандерболта».

– Ну, это вы из ранних серий кого-то сделали, – поморщился Сиротин, аккуратно намекнув на то, что он в курсе ее послужного списка. – А сейчас они уже на седьмую модификацию пересели. Сильная машина у сукиных детей получилась. Живучая, быстрая. Тяжеловата, на мой взгляд. Инертна чуток, но этот «чуток», сами понимаете, Кира Дмитриевна, порой дорого стоит. Ведь так?

– Так, – согласилась Кира, взяв этот момент на заметку. Она в любом случае предполагала: прежде чем лезть в пекло, поговорить с пилотами, выяснить, что да как, и с чем все это

---

³ *Драбант* – первоначально, в XVII–XVIII веках, в ряде европейских стран драбантами назывались телохранители высших должностных лиц, в частности, личная охрана командующего или почётная стража правителя государства.

⁴ Истребитель Рипаблик Р-47 «Тандерболт». За форму фюзеляжа машина получила неформальное прозвище «Джа» (*англ.* Jug – кувшин).

едят. Теперь же один вопрос сформулировался сам собой.

«Тандерболт. Что ж... посмотрим».

Поликарповская «сулица» в скорости американцу почти не уступала, но была едва ли не вдвое легче, и живучесть у нее была похуже. Однако «вес залпа», что называется, внушал.

– Еще один вопрос, если можно.

– Дайте угадаю! – полковник взял новую папиросу, чиркнул спичкой, прикурил. – Львовым интересоваться будете, ведь так?

– Так, – согласилась Кира. – Он меня, по случаю, сюда и подвез.

– Знаю, – кивнул Сиротин. – Оттого и про вопрос догадался. Обычно все спрашивают.

– Ну, значит, я не оригинальна, – пожала плечами Кира. – Так что насчет поручика Львова?

– Отличный пилот, – не задумываясь охарактеризовал ее нового знакомого Сиротин. – Истребитель от Бога, но дисциплины никакой. Впрочем, в бою не бросит, тем более не подставит. И это все о нем.

– Что значит все? – удивилась Кира.

– А то и значит, что все, – пыхнул дымом Сиротин. – Он, Кира Дмитриевна, никто. И звать его никак. Львов... Н-да... Личное дело пустое. Сюда переведен пять месяцев назад, но неизвестно откуда. От нас дважды убывал в госпиталь – правда, ненадолго, – и один раз по вызову командующего зо-

ной ПВО. Кто, что, зачем? Неизвестно. Мрак и туман. Чаю, сообразили уже, что это за птица?

– Да, пожалуй, – растерянно кивнула Кира, слышавшая, разумеется, про таких, как этот Львов, но сама вот встретила «литерного» впервые. – А...

– И не спрашивайте! – отмахнулся полковник. – Велено не приставать. Я... Но это, Кира Дмитриевна, строго между нами. Я его трижды к наградам представлял, и есть за что, вы уж поверьте! Но... Такое впечатление, словно поручика и вовсе не существует. Представления уходят наверх и растворяются в нетях. А он... Он даже нашивок за ранения, если обратили внимание, не носит. Только вот, слышал я от одного заслуживающего доверие человека, что видел он нашего Львова еще в первый год войны, во время битвы за Атлантику. И носил тогда Львов будто бы морскую форму. Звания его мой собеседник не запомнил, но колодок орденских видел много. Вот, собственно, и все. А мой совет прост, Кира Дмитриевна: не ворошите угли, как бы не полыхнуло!

* * *

Амелина ушла, а Сиротин еще некоторое время просто сидел за столом и смотрел на закрывшуюся за штабс-капитаном дверь. Попыхивал зажженной папиросой, думал, «*примеривал*» так и эдак, но выходило не очень. Куда ни кинь, как говорится, всюду клин.

Женщина в мужской компании не то чтобы лишняя – хотя белая ворона везде не своя по определению, – но все-таки она скорее мешает нормальной жизнедеятельности однородного по своему составу коллектива, чем наоборот. Раздражает, выбивается из ряда, не говоря уже о прочем. Военская же часть в этом смысле едва ли не худшее место для таких вот гендерных⁵ экспериментов. Тут ведь вся тонкость заключена в статусе военнослужащих и, конечно, в субординации. В авиационном полку, на аэродромах и в главной базе служит довольно много женщин, и они по большому счету никому не мешают, даже если создают командованию некоторые проблемы, имея в виду снабжение и дисциплину. Статус у них не тот, чтобы мешать, да и с точки зрения субординации никого не раздражают.

Поварихи, уборщицы, официантки и буфетчицы – все как одна вольнонаемные. Оружейники, мотористы и прочие технари, среди которых женщины хоть и попадаются, но погоды не делают – обычно унтера. Радистки и телефонистки – рядовые. А офицеры – это уже или медики – врачи, фельдшера и старшие сестры – или синоптики. Тоже, конечно, не сахар, но вполне себе встраиваются в систему. Женщины же пилоты, если говорить о военной авиации в целом – большая редкость, но даже те, кто есть, в своем большинстве служат в транспортной авиации и на фронтовые аэродромы, если и прилетают, то ненадолго, исключительно по делам. Принял

---

⁵ *Гендерный* – относящийся к полу.

груз или сдал, и ариведерчи. А вот летчики-истребители, да еще и обер-офицеры – это, насколько знал Сиротин, настоящая невидаль. На всю армию таких едва ли наберется чуть больше дюжины. Из-за них, собственно, и был издан указ от седьмого сентября. И вот теперь одна из этих кавалерист-девиц будет служить под началом Сиротина, да еще и в должности командира эскадрильи. То есть на аэродроме «Озеро Гаардс» – самой дальней базе полка – женщина станет *царем и богом*, да еще и *воинским начальником*. Та еще головная боль для командования.

Правду сказать, Амелина Сиротину понравилась. Была бы мужиком, цены бы ей не было. Спокойная женщина, выдержанная. Умная и себе цену знает. Знает, судя по всему, и то, что нравится мужчинам, но пользоваться этим, как донесли полковнику знающие ее лично люди, не желает, и это говорит в ее пользу, ибо, если назвалась груздем, так изволь соответствовать. Ну, она, судя по рассказам, к этому и стремится. Хочет, чтобы воспринимали ее первым делом не как женщину, а как боевого офицера. А это при ее внешности совсем непросто, не станешь же кричать на каждом углу, что ты, мол, ас, герой и все прочее в том же духе. Так что, понятное дело, временами ей приходится туго, но крест свой, как передают, несет с честью и зря не ропщет. За что ей полагается отдельное «спасибо».

Разумеется, Сиротин с ее послужным списком ознакомился заранее, да и поговорил о ней кое с кем в штабе корпуса.

Имелись у него старые знакомцы на самых разных должностях. Кто давно служит, не может не обзавестись, если, конечно, не трус, не дурак и не подлец. Сиротин ни под одно из этих определений не подходил и потому мог иногда рассчитывать на конфиденциальную откровенность первого офицера генерального штаба в штабе корпуса⁶, с которым учился в одно время на командном факультете Академии. Так что расспрашивал он Амелину, скорее, из любопытства, чем из необходимости: интересно было, как и что она ответит на тот или иной вопрос. Такие нюансы дорогого стоят, потому как характеризуют человека не хуже сухих фактов биографии. А биография у штабскапитана была совсем непростая.

Старообрядцев в империи как невзлюбили еще при царе Алексее Михайловиче, так не особо жалуют и до сих пор, хотя и не мордуют, как бывало в прежние времена. Но этот момент – происхождение и родственные связи, – был особо отмечен в личном деле Амелиной. Хотя, с другой стороны, было известно и то, каким образом Кира Дмитриевна поступила в Качинское училище. Этот вопрос в личном деле штабс-капитана отражен не был, но до Сиротина довели достоверный рассказ о том, кем и в каких обстоятельствах принималось решение, и почему при открытом противодействии больших армейских чинов Амелину все-таки приняли в Севастопольскую офицерскую школу авиации.

---

⁶ Первый офицер генерального штаба в штабе корпуса – первый заместитель начальника штаба.

А ларчик между тем открывался просто. В Качу захотела поступить дочь графа Скавронского Ольга. Небесталанный пилот, между прочим, но ко всему еще и родня – пусть и дальняя – государю императору. Ну, самодержец и разрешил, но тут вмешались блюстители нравственности в лице великих княжон и прочих придворных дам: невместно, мол, девице из хорошей фамилии в одиночестве находиться среди такого количества половозрелых курсантов. И тогда к Скавронской подверстали давно тыкавшихся носом в закрытые двери Киру Амелину и Клавдию Неверову. Вот эта тройца и держала потом «в тонусе» всю авиационную школу. Однако учились девки прилежно и летали хорошо, потому и выпустились все трое в первой десятке по результатам обучения.

На этом, собственно, все должно было закончиться, поскольку о службе в армии не могло идти и речи. В Российской империи такого – имея в виду женщин пилотов – никогда не было и не предполагалось. Но Неверова и Амелина спутали Военному министерству все карты, умудрившись записаться добровольцами в греческую армию, и показали себя на чужбине с лучшей стороны. С войны вернулись в Россию героями, имея на счету по несколько сбитых в бою турецких самолетов. У Амелиной таковых оказалось аж целых три. Разразился скандал. Неистовствовали суффражистки. Буянили демократы. Общественность требовала объяснений, и государь император дал отмашку: «Бог с ними! Перебесятся, сами уйдут». Так в Российской армии появились женщины

– пилоты истребителей, и среди них подпоручик Амелина.

– Да, – сказал вслух Сиротин, – была бы ты, Кира Дмитриевна, мужиком, давно бы командовала полком.

Возможно, он несколько преувеличивал, но, учитывая то, как характеризовалась служба Амелиной в штабах различного подчинения и сколько успела она посшибать супостатов за то небольшое время, что ей разрешали летать на боевой машине, будь она мужчиной, в гору пошла бы куда быстрее.

* * *

Кира вышла от Сиротина в начале десятого. В штабе, кроме охраны и самого полковника, не было уже ни души, а на улице темно – светомаскировка – холодно и дождь идет.

«Вот черт! – сообразила она вдруг. – Надо было спросить у полковника, где здесь можно переночевать!»

Насколько она поняла из приказа, который Сиротин вручил ей в конце разговора, служить Кире предстояло на аэродроме, расположенном километрах в пятидесяти к западу от Чертовой Мызы. Но как ей туда добираться, «добрый денёк» рассказать забыл.

«Ну, я и вляпалась!»

Но идти обратно к командиру полка со своими «глупыми» вопросами Кира поостереглась. Все-таки он полковник, а она всего лишь штабс-капитан: субординацию-то никто пока не отменял. К тому же наглеть в свой первый день в полку

не стоило. А идти в ночь и искать, где тут, в расположении, находится офицерская гостиница или, на худой конец, трактир, было попросту глупо. Не найдет. Только промокнет... К тому же не хотелось опозориться, заблудившись в темноте на незнакомой местности. Кира представила, как ее находят с рассветом, – а он здесь, на севере, к слову, поздний, – замерзшую и промокшую, аки мокрая курица в реглане, и у нее окончательно испортилось настроение.

«Вот же гад! – ругалась она мысленно на комполка, не подумавшего о такой малости, как ночлег. – Бутербродами накормил, даже выпить дал. А подумать, как я буду добираться до аэродрома... Как он? "Озеро Гаардс"? Сука ты, полковник, а не отец-командир!»

Однако еще через пару минут выяснилось, что обижалась она зря. Сиротин, по-видимому, знал, что Львов ее «в беде» не оставит, потому и не стал заморачиваться по пустякам. Поручик ожидал Киру около штаба, и, едва она появилась на пороге, спросил через опущенное стекло своего «Ермака»:

– Ну что, штабс-капитан, поехали, что ли, а то нам еще час как минимум до базы добираться!

– Спасибо, Яков Иванович, – поблагодарила Кира и, по новой загрузив свой чемодан на заднее сиденье вездехода, устроилась рядом со Львовым. – Выпить у вас, случайно, ничего не осталось?

– Случайно осталось, – усмехнулся Львов, доставая из-под сиденья давешнюю бутылку старки. – А вы, Кира Дмит-

риевна, что, действительно «Ти-Болт» на Адриатике завалили?

«И откуда знает? Хотя...»

– Было дело, – вздохнула она, принимая бутылку. – Но там и тогда, Яков Иванович, бриты летали на самолетах первой серии. Это которые с шестью пулеметами винтовочного калибра. Так что не знаю даже, гордиться этой победой или нет.

– А сами вы, простите, на чем бой приняли?

– У меня был И-16 тип 29.

– То есть, – уточнил Львов, покидая расположение части, – скорость и масса меньше, живучесть неплохая, но с «горшком» не сравнится, а из вооружения достоин упоминания один только БС?⁷ Однозначно есть чем гордиться!

– Спасибо на добром слове! – Кира сделала долгий глоток старки и добавила, возвращая бутылку: – Но дело в том, Яков Иванович, что меня тогда тоже сбили. Так что так на так и приходится...

Ретроспекция 1

Свой первый и пока единственный «тришкин болт» Кира сбила на второй месяц войны, когда три звена из ее эскадрильи перебросили на аэродром подскока на острове Брач. На-

---

⁷ Универсальный пулемет Березина – 12,7-мм авиационный пулемёт.

кануне – их звенья едва успели перелететь на остров – аэродром сильно бомбили, и на взлетно-посадочной полосе осталось довольно много не засыпанных воронок от пятидесятикилограммовых бомб. А тут, как назло, тревога: англичане атакуют идущие в Шибеник крейсер «Пересвет» и корабли сопровождения. И как тут, спрашивается, взлетать, если вся «лужайка» перепахана? Впрочем, как говорится, голь на выдумки хитра. Командир переброшенной на остров авиагруппы штабскапитан Коковцев придумал оригинальный выход из положения. В воронки воткнули палки с флажками, и самолеты взлетали, лавируя среди ям. Похоже на слалом, но из Киры лыжница так себе. Вот пилот она вполне приличный, поэтому промчалась между флажками, не снижая скорости, и к тому же умудрилась не убиться и взлететь всем врагам назло.

Впрочем, не она одна. Взлетели все, собрались на высоте две тысячи метров и сразу же взяли курс на юго-запад. Даже на этой высоте было жарко и душно, словно и не отрывались от земли. Лето в самом разгаре, и солнце печет со всей дури, однако полет сквозь «мартеновскую печь» продолжался недолго. «Ишаки» взбирались все выше и выше, и снова повторялось все то, что стало уже привычным за эти долгие июльские дни. Вначале в кабину проник холод, и вскоре теплой осталась только ручка управления. Потом стало труднее дышать. Кира уже не дышала, а «пила» воздух большими жадными глотками, но его все равно не хватало, а кислород-

ных масок у них тогда еще не было. Не предусматривалось, так сказать.

Между тем стрелка альтиметра неуклонно ползла вверх, поднимаясь от одной цифры к другой. Вот она уже вскарабкалась на отметку «пять тысяч триста». Здесь, на высоте, в открытой кабине истребителя, – а Кира, как и многие другие пилоты, идя в бой, фонарь не закрывала, – стало совсем плохо. Когда и куда утекла вся энергия, как это выдуло из здоровой молодой женщины всю бодрость, все силы до последней капли? Киру охватила апатия, полное равнодушие ко всему. Она словно бы оцепенела. Даже простой поворот головы требовал невероятного усилия. А ведь нужно было и дальше набирать высоту.

Холодно стало дьявольски. Мороз, что называется, «пробирал до костей», прямо как зимой в Тобольске. Но там, в России, тем более в Сибири, зимой люди носят шубы и валенки, а здесь, в кокпите поликарповского И-16, Кира была в одном лётном комбинезоне, не считая нательного шелкового белья. Вот разве что унты надеть додумалась, и то молодец.

Ей было холодно и тоскливо, но при всем при этом Кира знала, что расслабляться нельзя. Нельзя себя жалеть, и уж тем более нельзя позволить себе ускользнуть в неверную трясиину «пьяного» забытья. Она решительно встряхнул головой и несколько раз качнула свой самолет с крыла на крыло, просигналив своим «Внимание!», и звено начало подтягиваться к своему командиру.

Между тем на горизонте за белесой дымкой проступили очертания какого-то острова – названия его Кира не знала, так как не успела толком изучить карту ТВД, – и сразу же к югу от него на темной сини Адриатики отчетливо выделились крошечные корпуса кораблей, идущих в боевом порядке. Они были окутаны клубами порохового дыма, сквозь который прорывались временами яркие высверки залпов. Эскадра одновременно отстреливалась от нападающих на нее английских эсминцев и удерживала на расстоянии пытающиеся бомбить ее тихоходные «уитли». Огромное пространство над кораблями было испещрено черными шапками разрывов. Среди «чернильных клякс» медленно проплывали силуэты двухмоторных бомбардировщиков.

Русские истребители подходили к кораблям на высоте семи тысяч метров, а медлительные неповоротливые бомберы колупались максимум на трех. И все равно это было высоко для прицельного бомбометания. То ли из-за плотного зенитного огня, то ли из-за того, что пилоты у англичан были молодые и неопытные, но держались «уитли» высоко и причинить кораблям вред по большому счету не могли.

Командиром в этом вылете шел штабскапитан Коковцев, он и подал сигнал «Приготовиться к атаке!», но как раз в этот момент с запада появились чужие истребители. Целых шесть штук. И тогда Коковцев разделил отряд. Первое звено он повел на бомбардировщики, а звену Киры приказал идти на перехват истребителей. Вроде бы нелогично вышло,

ведь первое звено состояло из более опытных пилотов, но так было договорено заранее – предполагалось, что если истребители и прилетят, то их будет мало, а раций, чтобы переиграть все на месте, на «ишачках» той модели предусмотрено не было. Однако приказ, он и в Африке приказ, и Кира повела свое звено на перехват. Сближались быстро – слишком быстро, если честно, – и вскоре она увидела, что бодаться придется не с палубным английским старьем, а с гораздо более быстрыми, маневренными и живучими американскими «Тандерболтами», которые тогда никто еще не называл «тришкиными болтами».

Пока сближались, бриты успели «подвсплыть» и в момент атаки оказались на одной высоте с Кирой и ее звеном. Зазвучал сухой треск первых очередей. Английские пилоты оказались крепкими профессионалами, и самолеты у них были отличные, не чета устаревшим к тому времени и физически, и морально «ишачкам». Но думать об этом было глупо, да и некогда, если честно, хотя иметь в виду, разумеется, следовало. Противник силен, и это факт, но так или иначе, правила боя остаются одни и те же: главное, не обороняться, а нападать, иначе сразу сомнут.

Ну, этим она, собственно, и занималась. Атаковала, «отскакивала», уходила с линии прицельного огня, крутилась и вертелась на все лады – даже ставила машину на хвост, – лишь бы не попасть под раздачу. Но вместе с долгими секундами, проведенными внутри этой бешеной карусели, посте-

пенно приходило и другое чувство. Кира чувствовала, как ее охватывает боевой азарт, настоящее «бойцовское» безумие. Она уже знала это состояние и не боялась его. Напротив, любила это странное чувство, когда кровь кипит, и ты ощущаешь себя всемогущей и непобедимой, как какая-нибудь валькирия или богатырка из русских былин, но голова при этом остается необычайно ясной, сознание холодно, и мозг работает, как арифмометр, только быстрее.

Впрочем, вбитые в подкорку принципы ведения воздушного боя не оставляли ее ни на мгновение. *Сражаться парами. Не позволять противнику расколоть связку. Атаковать!* Так она и поступала, а рядом с ней крутился в бешеной круговерти собачьей свалки подпоручик Ефимов. Отбиваясь от англичан, он старался помочь Кире, чем мог, но при этом шел как приклеенный точно за ней. Однако и противник почему-то с особым остервенением бросался сегодня именно на ее ведомого. Хваткие ребята попались, чего уж там.

Взглянув в очередной раз через плечо, Кира увидела, как один из Т-болтов атакует Ефимова – напористый такой, с пикирования на скорости. А подпоручик, судя по всему, атаку пропустил, вовремя брита не заметил и вот-вот окажется под обстрелом. И ведь не скажешь ему, мол, оглянись, дурачок! Не предупредишь! Рации-то нет! И тогда Кира сама крутанулась так, что потом никак не могла понять, как ей это удалось. Но по факту, прошло всего, быть может, пару секунд,

а она уже летела навстречу англичанину. Сбить бы не смогла – далековато, но, по-видимому, сумела все-таки напугать. Брит ее сразу заметил и, бросив Ефимова, отклонился вправо в сторону: раз – полупереворот – и ушел.

«Ну, и черт с тобой!» – подумала она, и почти в то же мгновение мимо ее кабины пролетели трассы, и получалось, что на этот раз противника едва не прошляпила она сама. Ефимова-то она в результате своего маневра попросту стряхнула с хвоста. Но, увидев трассы, она инстинктивно ударила по сектору газа и пошла вверх самой крутой спиралью, на какую только был способен ее «ишачок». И «тришкин болт», который сел было ей на хвост, пролетел мимо и исчез.

«Пронесло!» – мелькнуло в голове, и тут Кира сама поймала в прицел неожиданно возникшую перед ней верткую тень. Поймала и ударила в упор по сукину сыну всем, чем могла. Истребитель свалился вниз так резко, что Кира даже не успела понять, куда он пропал. Но времени на размышления не было. Бой набрал максимально возможные обороты. Они с англичанами уже не сражались даже, как цивилизованные солдаты регулярной армии, а резали друг друга в пьяном остервенении кабацкой драки.

Атака, вой ветра в ушах, вираж... Кира успела развернуться навстречу очередному англичанину, одновременно увидев, как вспыхивает и уходит вниз самолет Ефимова, успела заорать и нажать на гашетки, но... пулеметы молчали – оружие заклинило, и, значит, время ее вышло точно так

же, как вышло время подпоручика Ефимова. Она услышала, как раздаётся сухой треск выстрелов, совсем близко – откуда-то сзади. Мотор сделал несколько неровных рывков, и винт остановился. И тогда к ней пришло спокойствие.

«Почему ты улыбаешься, Кира, когда тебя ругают?» – спрашивала ее мама. Своим спокойствием она выводила из себя учителей в гимназии, а позже и в Каче, но ничего не могла с собой поделать. Точно так же, как оставалась холодной ее голова во время боя, Кира становилась совершенно спокойна перед лицом фактов, которые не могла изменить.

Сейчас ей не оставалось ничего, кроме как идти вниз, стараясь направить самолет к сербскому побережью. Мотор молчал, и было хорошо слышно, как за кабиной свистит встречный поток воздуха. «Ишачок» быстро терял высоту и с нарастающей скоростью устремлялся в бездну – поверхность воды приближалась слишком быстро. Берег – скалистый остров с небольшим поселением в неглубокой бухте – выросал на глазах...

А потом была попытка сесть на волны, к счастью, мелкие, чудовищный кульбит в вихре брызг, и... и все кончилось. Вернее, на этом все могло закончиться, но она не потеряла сознание и, в конце концов, порядком намучившись с ремнями, выбралась из кабины и оказалась в воде. Плавала Кира неплохо, все-таки училась в Севастополе, но в комбине зоне и унтах сильно не разгонишься. Однако недаром говорится, что жить захочешь – не так еще извернешься. Когда Киру

выловили из воды моряки с эсминца «Быстрый», она плыла к берегу в одном исподнем – красивом шелковом белье от «Мадам Розановой».

Глава 2

На аэродроме их уже ждали. Оказывается, Сиротин озабочился и этим, телефонировав в эскадрилью загодя. И вскоре дежурный офицер, сопровождаемый выдернутым под «такое дело» младшим чином, доставил Киру и ее средних размеров чемодан «по месту дислокации». База на озере Гаардс была старая, еще довоенная, а значит, хорошо обустроенная. Несколько в стороне от капониров и взлетно-посадочных полос, – дежурный офицер сказал, в трех километрах к югу ВПП, – под прикрытием скал и каких-то неразличимых в темноте деревьев устроился крошечный авиагородок. Рассмотреть его в свете немногочисленных ламп, к тому же выкрашенных для маскировки в синий цвет, было невозможно, но со слов подпоручика Арсеньева, поселок состоял из коттеджей офицерского состава, двух казарм для младших чинов, нескольких домиков, в которых жили семейные унтер-офицеры, здания штаба, где у комэска, как выяснилось, имелся собственный кабинет, радиостанции, санчасти и небольшого ангара, в недрах которого располагались офицерская столовая – она же клуб с буфетом, открывавшимся сразу после ужина, – комната отдыха с бильярдным столом, радиоприемником и книжным шкафом, и лавка военторга, работающая через два дня на третий и предлагавшая местным обитателям «широкий выбор товаров» от зубных щеток до

консервированных огурцов.

В свою очередь, офицерские кирпичные коттеджи были разделены на четыре комнаты каждый. Таковую вот «четвертушку» Кира и получила в свое распоряжение. Небольшая комната. Кровать, шкаф, стол, стул и две табуретки. На окне плотные шторы – светомаскировка, на полу тряпичный коврик, рядом с дверью раковина и полка для туалетных принадлежностей и все, собственно. Из неперенных достоинств – электричество, водопровод и теплая стенка общей на две смежные комнаты печи с топкой в сенях. Там же, в сенях, находились вешалка для верхней одежды и теплый сортир, опять же общий для двух проживающих по соседству офицеров.

– Душевые в конце улицы, – пояснил подпоручик, завершив «краткий обзор» доступных к употреблению удобств и услуг. – Там же у нас баня устроена на шведский манер. Называется басту... Хорошая баня. Вы, госпожа штабс-капитан, могли бы скооперироваться с подпоручиком Кленовой из санчасти и начальником радиостанции подпоручиком Левиной. Баня в наших краях – первое дело, сами понимаете!

Арсеньев явно робел, стеснялся и не знал толком, о чем говорить и как себя вести с комэском, который, на беду, оказался красивой молодой бабой. Вслух он Киру «бабой» никогда бы не назвал – интеллигентный юноша, воспитанный, наверняка из хорошей семьи, – но про себя наверняка так и кличет. Впрочем, Кире не привыкать. Она уже десять лет в

строю, а если считать с училищем, так и все двенадцать.

– Постельное белье, подушка, одеяла... – продолжал между тем подпоручик. – Остальное выдадут завтра, когда вахмистр Кутейкин откроет каптёрку...

– Ну и ужин! – вспомнил он вдруг, споткнувшись взглядом о некий невразумительный натюрморт, расположившийся на столе и скрытый от глаз белой салфеткой. – Буфетчик специально для вас собрал, Кира Дмитриевна, как только из штаба телефонировали...

Что ж, пока все выглядело более чем цивилизованно. Кире приходилось служить и в менее комфортных условиях. Особенно в начале войны, а здесь – что ж, нормальный довоенной постройки аэродром, и все «удобства» при нем.

– Спасибо! – поблагодарила она сопровождающего и добавила, прощаясь с ним в дверях:

– Завтра в восемь встреча с офицерами... Где у вас обычно собираются?

– Можно в столовой, – предложил Арсеньев, – или в комнате для инструктажа, но там тесновато будет, если всех офицеров разом собрать. Это же, получается, и инженер, и...

– Тогда в столовой, – мягко прервала его Кира. – И запишите меня, пожалуйста, на полеты. Где-нибудь в полдень. Хочу пройтись ведомой за кем-нибудь, кто хорошо знает местность. Облет района, так сказать, как в учебке, вы меня понимаете?

– Будет исполнено, госпожа комэск!

– Спокойной ночи! – кивнула Кира и, закрыв дверь, вернулась в комнату.

Умылась с дороги. Разложила вещи, засунув сильно опустевший чемодан под кровать. И только закончив с первоочередными делами, сняла с ужина салфетку. Трудно сказать, знал ли буфетчик, что комэск – женщина, но если и знал, то ничем своего знания не выдал. Ужин состоял из двух больших ломтей ржаного хлеба, приличных размеров куска ветчины, трех тонких пластиков желтого сыра и двух яиц, сваренных вкрутую. К основному блюду прилагался стакан давно уже остывшего, но зато крепкого до умопомрачения и сладкого чая, несколько штук галетного печенья «Мария» и четверть стакана водки, которая по нынешнему настроению Киры оказалась отнюдь не лишней.

Вообще-то, Кира спиртным не злоупотребляла. И не только потому, что берегла здоровье, и не из соображений морали, вбитых в нее еще в детстве одной из особо набожных сестер ее отца. На самом деле, больше всего Кира боялась, что, находясь под воздействием винных паров, может надделать глупостей. Были, так сказать, прецеденты. Но сегодня – здесь и сейчас – после плотного ужина-обеда и перед сном, она могла позволить себе выпить водки, не угрызаясь совестью и не опасаясь последствий...

Утро выдалось холодное и ясное. Во всяком случае, в шесть часов утра, когда она вышла в палисадник делать зарядку, предрассветный сумрак казался прозрачным, и при дыхании изо рта вырывался пар. Место для упражнений было так себе – у всех на виду, чего Кира категорически не любила, но и отказываться от своих привычек, только потому что на нее глазают подчиненные, многие из которых даже не подозревают, кто она такая, Кира не собиралась. Надела спортивный костюм и вышла из дома.

Кивнула какому-то нижнему чину, спешащему вдоль улицы по своим неотложным военно-воздушным делам, отчего несчастный даже споткнулся на ровном месте, и принялась за дело. Ничего особенного она не делала, обычные упражнения: приседания, наклоны, отжимания и прочее в том же духе. Однако, несмотря на свою видимую простоту, утренняя зарядка позволяла Кире держать себя в тонусе и поддерживать форму. Турник и все прочее то ли еще будет, то ли нет, а комплекс простейших упражнений всегда с тобой. И это хорошо, поскольку физическая сила летчику жизненно необходима, если, конечно, хочешь жить, ну а тонус – залог ясной головы и способности концентрировать внимание, даже тогда, когда смертельно устал и хочешь спать, а такое с пилотами случается не так уж и редко.

Впрочем, утренняя зарядка, как показывала практика, обычно превращалась «в показательные выступления», – а по-другому никак не получалось – и, соответственно, имела свои недостатки. Проблемой, как всегда, являлись особенности женской анатомии. У Киры, если что, грудь хоть и упругая в достаточной мере, но третьего размера, и без бюстгалтера при резких движениях «призывно» колышется, привлекая ненужное мужское внимание. Однако Кира, как назло, бюстгалтеры носить не любила, и уж тем более во время занятий спортом. Выход из положения нашла в свое время Ольга Скавронская, изобретательный ум которой был способен на многое. С тех пор Кира во время занятий спортом, включая сюда бег, самбо и любимый пилотами волейбол, поддевала под спортивный костюм трикотажный слитный купальник. Получалось неплохо, тем более что еще в начале войны, в Сербии, Кира разжилась несколькими просто замечательными эластичными и в то же время тугими итальянскими купальниками, которые, к слову сказать, использовала в свободное время и по прямому назначению. А после заплыва в шелковом белье стала надевать купальник и под летный комбинезон.

Завершив зарядку, Кира еще минут десять попрыгала через скакалку, стремительно наращивая темп до максимально возможного, и вернулась в дом, столкнувшись в сенях с выходящим из ватерклозета поручиком Львовым.

– Так мы, оказывается, еще и соседи?.. – неискренно уди-

вилась Кира, но Львов и бровью не повел.

– В вашей «каюте», Кира Дмитриевна, – вежливо объяснил он, – квартировал покойный капитан Федоров, наш прежний комэск.

Вот вам ее и предоставили, чтобы не плодить сущности без нужды⁸.

– Какой университет заканчивали? – сделала Кира очередную безуспешную попытку «пролить свет».

– Без комментариев, – улыбнулся в ответ поручик. – Но попытка засчитана, госпожа комэск. Завтракать пойдете?

– Предлагаете компанию?

– Буду вашим Вергилием⁹, если не возражаете.

– Не возражаю, – перешла Кира к делу. – Мне нужно четверть часа, чтобы привести себя в порядок.

– А мне еще бриться, – тяжело вздохнул Львов. – Давайте встретимся здесь через двадцать минут.

– Идет!

Кира вернулась в комнату, проверила, плотно ли задернуты шторы, и, раздевшись донага, обтерла тело холодной водой из-под крана. Затем смазала под мышками немецким

---

⁸ Свободное переложение так называемой Бритвы Оккама – методологического принципа, получившего название от имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма из Оккама (1285–1349). В кратком виде этот принцип гласит: «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости»).

⁹ Намек на «Божественную комедию» Данте Алигьери (1265–1321), в которой Вергилий знакомит Данте с устройством Рая, Ада и Чистилища.

кремом-дезодорантом фирмы Байерсдорф¹⁰, – она ненавидела, когда от нее пахнет потом, хотя из кабины истребителя порой вылезала в том еще виде, – и перешла к одежде. Еще с училища она не носила юбок, разрешенных уставом для женщин-офицеров, предпочитая ходить в брюках, лишь немного ушитых по фигуре. Высокий рост и относительно узкие бедра вполне это позволяли. За брюками последовали ботинки с высокими берцами, сшитые на заказ в Петрограде, белая «мужская» сорочка, черный форменный галстук и темно-синий «авиаторский» китель с орденами, которых у Киры было два: Святой Владимир и Святой Витовт, и оба, что характерно, второй степени. Пристегнув к поясному ремню кобур с неуставным «люгером» – вольность, которую командование негласно позволяло фронтовым офицерам, – надела кожаный реглан и фуражку и вышла в сени с последними секундами двадцатой минуты. Впрочем, опередить Львова ей не удалось: поручик вышел из своей комнаты практически одновременно с ней.

«Он что, за дверью меня дожидался?»

Могло, конечно, случиться и так, но верилось с трудом. По успевшему сложиться у Киры впечатлению, не тот был человек Яков Львов, чтобы притворяться или выпендриваться. Не тот стиль. Неподходящий характер.

---

¹⁰ Вполне соответствует действительности. Торговая марка «NIVEA» принадлежит фирме Байерсдорф с начала XX века, а дезодорант-крем и шариковый аппликатор для него начали производить в США еще в 1930 году.

– Чему улыбаетесь, командир? – спросил поручик, когда они вместе вышли на улицу.

– Да так! Ерунда... А чем, к слову, у вас кормят на завтрак?

– Как и везде, кашей, – усмехнулся Львов. – Любите, Кира Дмитриевна, манную кашу?

– Люблю, даже если сварена на воде.

Кира не лукавила. Она, в принципе, ела все. Давно научилась, еще в курсантские годы. Но, как и любой другой человек, имела свои пищевые предпочтения, и манная каша, как ни странно, входила в число ее любимых блюд. Схитрила она только в одном: она предпочитала манную кашу, сваренную на молоке. Впрочем, рацион летчиков – тем более на севере – всегда включал если и не парное, то уж консервированное молоко наверняка.

Однако вскоре – после положенных по уставу «господа офицеры!» – выяснилось, что вместо каши сегодня на завтрак подают макароны по-флотски¹¹, бисквиты с джемом, сыр и кофе. К кофе предлагалось сгущенное молоко, но Кира терпеть не могла кофе с молоком и, если была такая возможность, всегда пила черный кофе без сахара. Однако сегодня в связи с предполагаемым вылетом в зону боевых действий – пусть даже это был по определению учебный вылет – она получила положенный пилотам истребителей шоколад

---

¹¹ В нашей реальности макароны по-флотски приобрели широкую известность уже после завершения Второй мировой войны.

«Псковский особый» с усиленной дозой кофеина и амфетамином¹².

Принимать пищу под любопытными взглядами окружающих, от поварихи и официанток до господ авиаторов включительно, было неуютно, но Кире не привыкать. Так было всегда, с первого дня в училище. Потом люди, разумеется, привыкают, и интерес к ее персоне постепенно угасает, но вначале всегда так, хотя в Каче внимание все-таки распределялось между тремя девушками-курсантами: Кирой, Ольгой и Клавой. В таком порядке, к слову, они стояли в строю. Кира – самая высокая, а Клава – самая маленькая, за что и получила от курсантов прозвище Дюймовочка. Не самое обидное, если честно, даже где-то милое прозвище, потому что сама Кира на первых порах проходила в училище под неприличной кличкой Сиськи. Не в лицо, разумеется, а за глаза. Но лет через несколько ей рассказал об этом сокурсник, с которым она потом вместе служила в Дальневосточной особой армии.

Воспоминание об этом случае придало мыслям Киры определенное направление, и, вероятно, поэтому свое официальное знакомство с офицерами полка она начала в атакующей манере.

– Прошу прощения, господа, – сказала она с доброй улыбкой, подверстав заодно к «господам» и двух молодых женщин в звании подпоручиков, – но я родилась женщиной.

---

¹² Аналог реально существовавшего шоколада в немецкой армии.

С анатомией не поспоришь. Как господь распорядился, так теперь и будет. Но во всем остальном прошу считать меня мужчиной и относиться соответственно. Не считая указа от седьмого сентября, никаких ограничений в боевой работе не имею. И ордена, – указала она на свою грудь, – получила не за размер бюста. Я на войне с первого дня, пилотирую практически все, что летает, но по факту большую часть времени провела на штабных должностях или в качестве инструктора в запасном полку. Тем не менее я совершила шестьдесят девять боевых вылетов, участвовала в семнадцати воздушных боях и сбила в них восемь самолетов противника, включая и один «тришкин болт»...

Последнее, как она и ожидала, произвело на господ летчиков-истребителей особое впечатление.

* * *

Полк летал на истребителях ПоЛ-9¹³. Это был новый и, по мнению Киры, весьма удачный самолет. В отличие от ПоЛ-7, «сулица»¹⁴ – ее еще называли по-простому «половинкой» – имела цельнометаллическую конструкцию и крыло с ламинарным обтеканием, отличную рацию, хорошие навигаци-

---

¹³ Альтернативно-исторический истребитель Поликарпова – Лавочкина. Примерно соответствует по характеристикам Ла-9.

¹⁴ *Сулица* – метательное копьё, имеющее железный наконечник длиной 15–20 см и древко длиной 1,2–1,5 м.

онные приборы и мощное вооружение: две 23-миллиметровые авиационные пушки и два 12-миллиметровых пулемета. Единственным естественным врагом этого зверя оставался все тот же «Т-болт» последних серий, имевший большую массу и ненамного, но превосходящий «сулицу» по скорости и предельной высоте.

Кира на «половинках» уже летала, когда служила помначштаба запасного полка. Истребитель ей в целом нравился, а частные оговорки по большому счету большого значения не имели. У всех свои недостатки, как говорится. И сейчас, снова оказавшись в кокпите «сулицы», она привычно готовилась к полету. Надела парашют, проверила привязные ремни, затем закрыла глаза и нащупала приборы, тумблеры, рукоятки. Порядка полусотни последовательных движений руками необходимо было выполнить в определенном порядке, быстро и очень точно. *Ремни... ход ручки управления... рычаг газа... вентиль аварийного выпуска шасси... шкалу прицела на нуль...* Все работало штатно и находилось там, где положено, даже сиденье было подогнано по ее росту.

«Ну, с богом!»

Она включила электрический стартер и завела моторы. Пока они прогревались, натянула шлем с наушниками, присоединила шнур шлемофона к разъёмной колодке и сообщила на КДП¹⁵, что готова к взлету. Связь работала хорошо. Слышимость была нормальной, шумов мало.

---

¹⁵ КДП – контрольно-диспетчерский пункт.

– Взлет разрешаю! – откликнулась «вышка», расположившаяся в выкрашенном камуфляжной краской бревенчатом домике, спрятавшемся между огромными ледниковыми валунами чуть в стороне от ВПП¹⁶.

Первым взлетал поручик Панкратьев, хорошо знавший район боевых действий и взявшийся показать Кире основные ориентиры на местности. Следом за ним она, хотя ширина взлетно-посадочной полосы позволяла взлетать сразу парами, стартовали они все-таки один за другим.

Быстрое тестирование двигателя, вспышка зеленой лампы, и Кира порулила к старту.

Вышла на прямую и дала полный газ. Самолет задрожал. Скорость увеличилась от шестидесяти до восьмидесяти, затем до ста и, наконец, до ста двадцати километров в час. Ручку на себя, форсаж, и самолет отрывается от земли.

Непередаваемое ощущение. Невероятный опыт. Разбег, отрыв, перевод в набор высоты...

Машина шла уверенно, легко набирала скорость и высоту. Температура масла и головок цилиндров была в норме. Кира ведь не только для разведки местности вылетела, она хотела заодно «обкатать» свою новую машину. В капонирах базы находилось четыре новых истребителя, только недавно перегнанных с тыловой базы для пополнения самолетного парка полка. Пилотов для них пока не было, и Кира могла выбрать любой. Она и выбирала. Долго ходила вокруг да

---

¹⁶ ВПП – взлетно-посадочная полоса.

около, осматривала, «обнюхивала», задавала вопросы механикам. В общем, вела себя, как и положено женщине, выбирающей дорогой наряд или ювелирное украшение. Но для Киры все было гораздо сложнее, можно сказать, интимнее. В конце концов, она не шляпку выбирала, а друга и оружие. Друга, чтобы не подвел в бою, оружие, чтобы бить наверняка. Ну и о красоте не забывала. Оттого, быть может, и остановилась на «чертовой дюжине».

Летчики в большинстве своем люди суеверные и среди прочего не жалуяют число «тринадцать». Но Кире число «13» как раз нравилось. Бог знает почему, но число это она считала своим еще с раннего детства. И сейчас «тринадцатая половинка» из всех сил доказывала, что Кира сделала правильный выбор. Можно сказать, безукоризненный.

«Да, – думала Кира, снимая оружие с пневмопредохранителя, – мне бы такую ”сулицу” три года назад! Эх!»

Но три года назад на Адриатике у них были только И-16...
«Зато не было указа от седьмого сентября!»

Тоже верно. Тогда и там Кира летала где хотела. Пару раз залетала даже в Италию. Страх не то чтобы не знала, но не принимала опасность быть сбитой над вражеской территорией всерьез. Просто не задумывалась над этим...

А сейчас под ней расстилался совсем другой пейзаж. Не юг с его яркой зеленью и сочной желтизной, белыми домиками под красными черепичными крышами и аквамарином теплых морей. Скалистые горы, каменистая земля, все еще

покрытая кое-где зеленой травой, – или уж что тут у них растет на камнях, – темные пятна хвойных лесов, сизые пятна зарослей вереска, длинные узкие фьорды с темными языками стыллой воды, редкие признаки человеческого жилья. Домишко там, деревенька тут. Рыбачий поселок. Радарная станция раннего оповещения. Железная дорога и маленький городок, а потом снова холодное море цвета оружейной стали и скалистые острова среди бурных вод.

– Линия фронта проходит по цепи островов, – между тем комментировал увиденное поручик Панкратьев. – Вам, комэск, залетать туда запрещено.

«Спасибо, милый, а то я забыла!»

– Но там нам всем делать нечего.

Снизились, прошли над водой, чтобы Кира смогла оценить высоту волн, разбивающихся о поднимающиеся на головокружительную высоту отвесные стены береговых скал. Она и оценила.

«Н-да, не Адриатика и не Крым!»

Ну, где-то так все и обстояло. Нурдланд¹⁷ мало похож на Сербию или Таврию. Холодно, депрессивно, кое-где попросту уныло.

«Но, может быть, когда выпадет снег...»

Впрочем, когда наступит зима, задуют ледяные ветры и выпадет снег, никому мало не покажется!

---

¹⁷ Нурдланд – северо-западная Норвегия.

Ближе к вечеру позвонил начдив. С генералом Орловским Сиротин был знаком давно. Не друзья, тем более не приятели, но и холодноватого отчуждения, часто возникающего между вышестоящими начальниками и их подчиненными, не было тоже. Нормальные уважительные отношения, причем с обеих сторон. А это дорогого стоит.

– Ну, как там моя «крестница»? – поинтересовался Орловский после обычного обмена формальными приветствиями.

– Неплохо, – оценил Амелину комполка. – Никого пока не застрелила, ни разу не напилась и, по моим данным, не блудит. Ну, или не попадается, что тоже хорошо. Две недели продержалась, значит, прижилась. Жалоб нет, кляуз не пишут. Летает регулярно. Видел ее пару раз в воздухе. Впечатление производит хорошее. Так что, думаю, не подведет.

– Да я, Григорий Леонидович, в ней и не сомневаюсь, – согласился с Сиротиным начдив, – иначе, сам понимаешь, на эскадрилью никогда бы не поставил. Но как-то, знаешь ли, тревожно. Женщина все-таки.

– Женщина, – согласился Сиротин. – Красивая. Но безобразий, как я уже отметил, не чинит. В воздушном бою – это, значит, третьего дня, когда супостаты к Нарвику прорывались, – держалась молодцом. Это мне по секрету один

из ее пилотов наступал. Голову не теряет. Расчетлива. И про своих не забывает. Ведомого как мамка родная опекает, хотя, по идее, все должно быть с точностью до наоборот. Решения принимает быстро. Действует разумно. Вместо того чтобы устроить «утиную охоту», разбила противнику строй и принудила к ретираде. Сама, правда, никого не сбила, но зато другие получили преимущество. Трех бомберов завалили. Хороший результат!

– Согласен! – поддержал мнение Сиротина генерал. – Рад, что не ошибся. Сам понимаешь, поставить женщину на эскадрилью – решение не из простых. Ну, да бог с ней, с Амелиной! Теперь расскажи мне, Григорий Леонидович, про поручика Львова.

– А что Львов? – не понял вопроса Сиротин.

– Как он там?

– Так по-прежнему. Жив-здоров, пьет умеренно, летает хорошо. Вот он как раз и сбил один из тех трех «ланкастеров».

– А! Ну-ну. Ладно тогда! Прощай! – и генерал прервал связь.

«Ну, и что это было?» – задумался Сиротин.

«Наверное, – решил он через пару минут, – Орловского кто-то с самого верха достал. Вот он и забеспокоился. Вопрос, однако, о ком шел сейчас разговор, об Амелиной или о Львове?»

Две недели назад, когда здесь же, в этом самом кабинете,

он беседовал со штабскапитаном Амелиной, Сиротин сказал ей, что ничего толком о Львове не знает. Полковник, разумеется, лукавил. Не бывает такого, чтобы человек был, а слухов о нем не было. Армия только кажется большой и путаной, как столичный город, а на самом деле тут все, как в деревне: утаить что-нибудь вроде этого совсем непросто. Другое дело, что и болтать с кем ни попадя про все, что знаешь – а штабс-капитан Амелина, как ни крути, особых прав пока не заслужила, – Сиротин не хотел. Потому и «скормил» ей, ведь что-нибудь он все-таки должен был сказать новому комэску, историю про кого-то, кто якобы что-то такое видел в самом начале войны.

Ретроспекция 2

На самом деле, видел тогда Львова – в форме флотского офицера и при орденах – не кто иной, как сам Сиротин. И знал он, увидел и услышал там и тогда гораздо больше, чем стал бы рассказывать незнакомому комэску.

А дело было так. В сентябре сорок седьмого капитан Сиротин принял эскадрилью в 23-м полку, прикрывавшем военно-морскую базу и порт Берген. Время было тяжелое. В Норвежском и Северном морях не утихала морская война «малой интенсивности». Это была все та же «Битва за Атлантику», но после тяжелых потерь, понесенных противоборствующими сторонами в первые месяцы войны, и атлан-

тисты, и континентальный союз опасались вводить в бой эскадры тяжелых кораблей. Сражались в основном легкие силы, подводные лодки и эсминцы, но зато много и тяжело работала авиация. Русские и прусские бомбардировщики атаковали Англию, Данию и Нидерланды, атлантисты бомбили Пруссию, Саксонию и русские провинции от Варшавы до Москвы. Но тяжелее всего приходилось передовым базам флота. Берген иной раз переживал по два налета за ночь, и летчики истребительной авиации буквально валились от усталости с ног. Жили, казалось, на одном кофеине с амфетамином, но заменить этих пилотов было нечем.

Страна только еще втягивалась в войну и не успевала восполнять потери в технике и личном составе. К этому времени мобилизовали уже всех кого можно и практически все, что летало, но этого, к сожалению, оказалось недостаточно. Промышленность наращивала темпы выпуска самолетов и разворачивала новые мощности на базе заводов и фабрик, производивших в мирное время исключительно гражданскую продукцию. Но все это требовало времени и не могло быть сделано сразу вдруг. То же самое происходило и с подготовкой пилотов. В России, слава богу, имелось большое количество летчиков гражданской авиации, и это не считая пожарных, почтарей и прочих «пейзан», а также спортсменов и владельцев частных самолетов. Но всех их надо было переучивать на новую военную технику или вообще готовить в качестве военных летчиков с нуля. Но выбора не было, во-

енные училища летчиков восполнить потери, не говоря уже о наращивании сил армии и флота, попросту не могли. Кого можно было выпустить сразу после ускоренного курса, то есть курсантов старших курсов, уже выпустили, а новых надо было еще чему-нибудь научить, а это требует времени.

Такова была ситуация, когда разведка раскрыла планы англичан высадить комбинированный десант – одновременно с моря и с воздуха – в районе Бергена и Ставангера. Вот тогда – не иначе, как от отчаяния, – командование и ввело в Фенсфьорд авианосцы «Царь Борис» и «Архангел Гавриил». С моря их прикрывали минные поля и эсминцы сопровождения, а от атак с воздуха – секретность, маскировка, крейсер ПВО «Микула Селянинович» и береговые зенитные батареи. Авиация же, базировавшаяся на кораблях, – а это были на тот момент практически одни истребители ВМФ, – прикрывала возможные районы высадки десанта. Но секретность секретностью, а на казарменном положении – в данном случае на борту авианосцев – такую ораву молодых половозрелых мужиков не удержишь. И вскоре вновь прибывшие флотские, не исключая пилотов палубной авиации, стали появляться в кабаках, расположенных вокруг военно-морской базы, а иногда и на дальних окраинах Бергена. Ну, а там, как водится, в своем кругу да под действием винных паров, нет-нет да скажет кто-нибудь лишнее. Не то чтобы уж самую что ни на есть страшную военную тайну выдаст, хотя случилось и такое, но порой за кружкой пива «с прицепом» можно

было услышать много интересных историй и узнать немало удивительных фактов, за которые вражеская разведка наверняка не поскупилась бы хорошо заплатить.

Так, собственно, Сиротин и узнал, что на «Царе Борисе» базируется истребительная авиагруппа, специально собранная еще в первые дни войны из асов морской авиации капитаном 1-го ранга князем Курбским. Позже услышал и самоназвание морских истребителей – «Адские плясуны». Сообщалось – впрочем, вполне возможно, что это были всего лишь слухи, – что люди Курбского рисуют на фюзеляжах своих «сикорских» карточных джокеров, из-за которых их и прозвали адскими плясунами. Другие, впрочем, утверждали, что прозвище появилось вследствие того впечатления, какое производили воздушные бои с участием этих пилотов. Они же не зря считались асами: фигуры высшего пилотажа крутили на раз и в таком бешеном темпе, что у посторонних просто дух захватывало. Однако, так или иначе, но адские плясуны каперанга Курбского ходили в те же кабаки и бордели, что и все прочие выпущенные в увольнение офицеры. Так что временами, и не так чтобы редко, те и другие пересекались.

Про самого князя известно было мало. Крутой аристократ – ну, об этом по одной фамилии можно было догадаться, – любимец императора, такие, во всяком случае, ходили о нем слухи, и отличный пилот. И все остальные асы в его авиагруппе, в большинстве своем, хотя, положим, и не все, испе-

чены были из того же «сдобного» теста. Если не титулованные аристократы, то уж, верно, выходцы из старых дворянских фамилий. Все как один кадровые, и да, действительно, отличные истребители.

С одним из них Сиротин даже познакомился лично. Лейтенант флота Симон де Монфор, невысокий темноволосый и темноглазый крепыш, оказался своим в доску парнем, и лишь много позже, из некролога, случайно попавшегося ему на глаза, Сиротин узнал, что выпивал тогда с «наследным принцем» – будущим, если, разумеется, доживет, Симоном XI де Монфор-л'Амори графом де Эврё герцогом Анжуйским. Вот в компании этого так и не состоявшегося герцога и появился однажды в ресторации «Ла паризьен» нынешний поручик Львов. Но тогда он носил черную с серебром форму офицера флота, а над узлом галстука у него поблескивала в свете хрустальной люстры «Полярная звезда». Других наград у «Львова» тоже хватало, но он стал первым кавалером «Полярной звезды», которого Сиротин встретил вживую. Оттого, наверное, и запомнил. Но сам он сидел за другим столиком – довольно далеко от де Монфора и «Львова», и подойти, чтобы представиться, постеснялся...

* * *

Снилась всякая хрень. То рождественский бал в гимназии, то первый выход в самостоятельный полет, а то и вовсе

заплыв в шелковом белье в «ласковых» водах Адриатики. Сны были рваными. Сцена тут, фраза там. Никакого порядка, никакой цельности, логики и системы, сплошной морок и душевное томление.

Кира проснулась и некоторое время просто лежала не шевелясь и не открывая глаз. Надеялась, что сумеет еще раз ускользнуть в объятия красавчика Морфея, но сон, как назло, не шел. Возможно, сын Гипноса просто не велся на баб, предпочитая мужчин. Не исключено, но по факту, пришлось окончательно проснуться, открыть глаза и «ожить». Часы показывали четыре двадцать три, и было очевидно, что еще раз заснуть не получится. То есть можно, конечно, выпить полстакана водки и завалиться обратно в постель. Может быть, ей удастся задремать, но спать останется всего ничего. Вставать-то все равно в шесть!

«Ладно, – решила тогда Кира, – сбегая, раз такое дело, на аэродром. И польза для здоровья, и делом займусь».

До аэродрома, вернее, до командного пункта и домика, в котором коротают ночь дежурные пилоты, бежать всего четыре километра. Это, если по дороге, а не по прямой. Но напрямки в темноте даже ходить не следовало, не то что бежать. Каменистая всхолмленная местность, ледниковые валуны, скальные выходы, кустарники и негустая березово-сосновая рощица – тут и днем все ноги переломаешь. А дорога между тем вполне приличная, накатанная и, говорят, даже в распутицу не раскисает. По ней на аэродром постоян-

но ездят автомашины и колесные тракторы. Кира тоже обычно туда ездила, тем более что кроме попуток в ее распоряжении имелись штабной вездеход, напоминающий внешним видом американский джип, и мотоцикл. Мотоцикл был ее собственный – «цундап» последней довоенной модели, купленный по случаю еще в Сербии. Его вместе с сундуком, в котором находилось остальное Кирино имущество, не поместившееся в чемодан, доставили пять дней назад на грузовике с ближайшей к полку железнодорожной станции. Но сейчас ехать не хотелось, хотелось пробежаться. Четыре километра туда, столько же обратно – вполне приличный забег.

Сказано – сделано. Кира всполоснула лицо холодной водой, надела спортивный костюм и кеды, добавила, подумав, наплечную кобуру с «люгером» – все-таки война, ночь, пустынная местность – и побежала. Было довольно темно, тем не менее дорогу перед собой различить можно. Так что бежала Кира без напряжения и, как только вошла в ритм, думать о том, как дышать и куда ставить ногу, сразу же перестала. Бежала и думала о своем, «о девичьем».

Возможно, это сны ее дурацкие навеяли, а может быть, по какой-то другой причине, но вспомнилась ей сейчас учеба в Каче. Училище стало для восемнадцатилетней Киры настоящей школой жизни. Там она совершила свой первый прыжок с парашютом и выполнила первый самостоятельный полет. Выпила водки и поучаствовала в пьяной драке. В училище она первый раз дала и взяла первый раз тоже там и тогда.

Хорошо хоть ума хватило не путаться с курсантами. Нашла себе симпатичного студента на вакациях, с ним и попробовала. Ни то, ни другое по первому случаю ей не понравилось, как, впрочем, не пришлось по душе и опыт «любви девочки с девочкой», который преподала ей в шикарной севавтопольской гостинице Ольга Скавронская. Что нравилось Кире, на самом деле, так это летать. Но одно дело парить на планере – планерным спортом она занималась с пятнадцати лет – и совсем другое – самостоятельно пилотировать аэроплан. Даже если это не истребитель, а учебный биплан У-2.

Запомнился первый полет. Вывозил ее мичман¹⁸ Ковалев. Он сидел в передней кабине, а она в задней, соединенная с инструктором лишь переговорным устройством. В общем, как в песенке, которую сочинили курсанты о Клаве Неверовой:

*А в задней кабине учлета
Лишь пара голубеньких глаз
Смотрели в кабину пилота,
Быть может, последний уж раз¹⁹.*

Но и это еще не то. Впечатляет, но не более. Пассажиром

---

¹⁸ В РИА мичман – первый обер-офицерский чин на флоте, соответствовал поручику в армии.

¹⁹ Песня позаимствована из воспоминаний летчикаистребителя Виталия Ивановича Клименко, приведенных в книге Артема Драбкина «Мы дрались на истребителях».

летать не интересно, особенно для того, кто уже попробовал небо «на зубок». Кира попробовала, летая на планерах, поэтому и ждала, как светлого праздника, когда же ей разрешат наконец самостоятельный вылет. Дождалась, в конце концов. Взлетела, сделала пару кругов над аэродромом и села.

– Безупречно! – констатировал лейтенант Корнилов, руководивший в тот день учебными полетами. – Со следующей недели, курсант Амелина, приступаете к полетам в зону.

А пилотаж в зоне – это виражи, бочки, мертвая петля, когда весь мусор из кабины сыплется на тебя сверху, и ты вместо того, чтобы наслаждаться полетом, отплеываешься от сухой земли и пыли... Впрочем, на У-2 сильно не разгуляешься. Перестараться ненароком, превысишь допустимые нагрузки, и прости-прощай, жизнь молодая, – развалится «фанерка» на хрен. Но Кира никогда не зарывалась, задания выполняла осмысленно, аккуратно, «без истерик и фанатизма», и за грань возможного (читай, разрешенного инструкцией) ни разу не зашла. Кое-кто – капитан 2-го ранга Зосимов, например, – глядя на такую ее «сдержанность» посмеивался в усы:

– Девка! Что с нее взять!

– Да и не нужно ей, – поддакивали другие. – Все равно истребителем ей не быть.

Ошибались эти деятели практически во всем. Кира в небе гормонам командовать собой не позволяла. Это парни могли буяннить на всю катушку. Оттого и бились несчетно. Не

только по неумению, но и по дурости, из-за ненужного лихачества, позерства или обыкновенного мужского раздолбайства. Там что-то не проверил, тут понадеялся на авось или еще как, а выходит все это обычно боком. Кира действовала иначе. Не трусила – не из пугливых! – но и не лезла на рожон. Действовала осторожно. Трезво оценивала риски. Всегда знала, что делает и почему. И разумеется, как. И на войне – позже – летала точно так же. С одним, но немаловажным уточнением. Когда доходило до «жареного», она при своей технике пилотажа творила на истребителе такое, о чем многим другим и мечтать не приходилось. Потому что, во-первых, умела, а, во-вторых, могла держать нервы в узде.

А тогда, в училище, она одной из первых пересела на И-15. Старенький, но все-таки истребитель. И вот на нем уже можно было делать практически все: мертвую петлю, горку, боевой разворот, штопор... в общем, все, что душа пожелает. А желала она странного, и все это позже пригодилось ей на войне, в настоящем бою...

* * *

На аэродроме ее визиту удивились, но от комментариев воздержались. И правильно: она командир, ей виднее. Отрапортовали, как положено, показали поступившие из штаба полка сводки – метеорологическую и оперативную, – пожаловались для проформы на нехватку электрических ламп

нужной мощности. Все-таки при ночных вылетах только подсветка позволяет летчикам видеть границы ВПП. Да и, вообще, сориентироваться, где что, когда уже взлетел.

Кира все это внимательно выслушала, игнорируя украдкой брошенные на ее «фигуру» взгляды, напомнила, что требования на лампы давно уже отправлены наверх, заглянула к пилотам дежурного звена и побежала обратно.

Ночь выдалась спокойная. «Окаянцы» притихли, но наверх ненадолго. День-два отдохнут и снова полезут. Уж больно лакомые цели прикрывает 7-й ИАП. Так что покой, как говорится, нам только снится. Но Кире – ради разнообразия, наверное – снилась, увы, всякая дребедень.

«Лучше бы мужики снились, ей-богу! – подумалось на бегу. – Все-таки с мужчинами лучше, чем без них!»

Ну кто бы спорил! Кире тридцать. Женщина, можно сказать, в самом расцвете лет, да еще и под богом ходит едва ли не каждый день. А от понимания скоротечности жизни «аппетит» порой так разыграется, что хоть на луну вой. Но ни выть, ни по мужикам бегать нельзя. Она командир, да ко всему еще и новый в полку человек. Репутации определенной не имеет, поскольку попросту не успела ее заработать. К тому же женщина. А от женщин в таких случаях всегда ожидают крайностей: или шлюха, или синий чулок, и никаких промежуточных градаций. В этом смысле лучше уж прослыть «фригидной старой девой», чем потаскухой. Это докторицы да переводчицы из разведотдела дивизии могут поз-

волить себе все, что в голову взбредет или «передок» захочет, а истребителю такое неуместно. Офицерская честь – она дороже девственности. Потому что без целки, как показывает жизнь, можно легко обойтись, а вот без чести офицеру никак!

Под эти не подлежащие огласке размышления Кира добегала до своего коттеджа и, бросив взгляд на часы, решила, что на гимнастику у нее осталось не более получаса.

«Тоже деньги!» – она быстро вбежала в комнату, отстегнула кобуру и поспешила в палисадник, но по дороге, как назло, встретила Львова.

«Помяни черта!»

Львов по своему обыкновению вышел ей навстречу прямо из уборной. Такого рода утренние встречи становились у них традицией. Бог его знает, как это у него получалось, но чаще всего по утрам они с Кирой сталкивались именно в сенях. Исключением являлись только те дни, когда они вместе заступали на ночное дежурство.

– Хотели застать меня со спущенными штанами, комэск?

– И не мечтайте! – усмехнулась в ответ Кира, вспомнив по случаю свои давешние мысли о мужчинах.

– Вижу, вы с пробежки.

Ну еще бы не увидел, она же, несмотря на ранний час, успела уже не по-детски вспотеть.

– Да, – кивнула Кира. – Решила проведать КДП.

– Ну, и как там?

– Штатно, – пожалала она плечами и вдруг спросила, возможно, оттого, что стояла с ним лицом к лицу: – Яков Иванович, а вам приходилось видеть противника в лицо?

Если честно, глупый вопрос для пилота, во всяком случае, в большинстве случаев.

– Пару раз, – не задумываясь ответил Львов. – Запоминающееся зрелище, не правда ли?

– Да, пожалуй, – согласилась с ним Кира. – Такое и захочешь, да не сможешь забыть...

Ретроспекция 3

Задачи у истребителей в большинстве случаев формулируются просто: «чужих оттеснить», а «своих защитить». Конкретно в тот раз они защищали. А если быть совсем точным, сопровождали штурмовики. Летели над морем. Не то чтобы совсем уж прижимаясь к воде, но и невысоко, а внизу была такая красота, что глаз не оторвешь. Адриатика, штиль, и солнце светит под таким углом, что все внизу сияет и искрится, и переливается всеми оттенками зелени и ультрамарина. Но, к счастью, Кира, шедшая командиром звена, всегда тонко ощущала характер момента и умела правильно расставлять приоритеты. Она взглянула вниз мельком и то не столько для того, чтобы полюбоваться феерией красок и света, хотя моментальное впечатление радости осталось с ней навсегда, сколько для того, чтобы убедиться, что они не на-

летят сдуру на какой-нибудь итальянский крейсер, способный поставить в небе стену огня. Взглянула и тут же подняла глаза, оглядываясь через плечо, и сразу же переключилась на верхнюю полусферу. Оказалось, вовремя. Она сразу увидела «макаронников», заходящих на их построение сверху справа, и немедленно передала во внезапно ставший враждебным эфир:

– Я шестой! Пара «макки» на три часа, высота на глаз две тысячи. Атакуют!

Это еще хорошо, что шел четвертый месяц войны, и русские истребители успели пересесть на Ла-5 радиофицированные. Без радиосвязи в тот раз плохо бы им пришлось.

Итак, Кира увидела два итальянских истребителя, явно заходящих в атаку. Не так, чтобы очень страшно. Отражение такой атаки входило, что называется, в комплекс обязательных упражнений, и Кире не пришлось даже отдавать каких-либо специальных приказов. Все и так знали, что и как делать, и сразу же начали перестраиваться. Тем не менее на душе было беспокойно, хотя, казалось бы, откуда мандраж? Их четверо, а итальянцев двое. Вот только Кира в такие удачи никогда не верила. И правильно делала, что не верила. Внезапно из ниоткуда появилась вторая пара «макки», буквально материализовавшаяся в хрустально прозрачном воздухе из ничего и с ходу рванувшая валить в море русские штурмовики.

Но и это, в общем-то, еще не катастрофа. Пара на пару

вполне нормальный расклад, и, послав Ивлева на перехват первой двойки, Кира вступила в бой со второй. И вот тут с ней произошла одна из тех историй, каких на самом деле немало случается с теми пилотами, которые достаточно долго живут, чтобы об этом рассказать. Но уж точно, что запоминаются такие случаи на всю оставшуюся жизнь, главное, чтобы была она, эта жизнь, и чтобы оставалось ее побольше.

Отбивая очередную атаку итальянца, Кира успела развернуть свой истребитель прямо ему в лоб. Но вражина тоже не сопляк – лобовой не принял, а резко взмыл почти вертикально вверх, выполнив практически идеальный хаммерхед²⁰. Кира, естественно, рванула вдогон и неожиданно оказалась всего в нескольких десятках метров позади и сбоку от карабкающегося в жестокое небо итальянца. Совсем рядом, настолько близко, что отчетливо видела нижнюю часть фюзеляжа и красную молнию в круге на чужих плоскостях, но выстрелить сначала не успела, зависнув на месте на пару критически важных секунд, а потом уже не смогла.

И вот оба они, Кирил Ла-5 и вражеский макки, лезут вверх, но уже не один за другим, а как бы параллельно, хотя и с разницей по высоте, а скорость падает, и тут уж не столько от тебя зависит, что случится потом, сколько от техники и везения. Хрен его знает, кто первым сорвется в штопор. Что же делать дальше, думает Кира, лихорадочно перебирая

---

²⁰ Фигура высшего пилотажа, когда самолет уходит от противника, идущего встречным курсом, вертикально вверх.

варианты. Как изловчиться и дать по сукину сыну очередь? Но ведь и итальянский летчик – мать его за ногу! – думает о том же самом, потому что оба они истребители, читай охотники, если кому так нравится, или гладиаторы, или просто убийцы, если говорить начистоту. И оба хорошо понимают: кто свалится без скорости первым, тот и будет убит.

А «лавочкин» уже качается из-за малой скорости. Он на пределе. И Кира давит левой рукой на секторы газа и шага винта, а сама не сводит взгляда с «макки» и видит, как закачался вдруг итальянский истребитель – скорость потеряна! – и в тот же миг сваливается вниз, в пикирование. И Кира готова уже торжествовать: в упор, мол, расстреляю гада. Но машина не слушается, вздрагивает, вот-вот сорвется в штопор. И вместо того, чтобы развалить противника убийственным с такой дистанции огнем двух двадцатимиллиметровых пушек, Кира плавно переводит ее в пикирование, но враг быстро уходит, дистанция увеличивается, и его уже не догнать.

Однако в тот краткий миг, когда они снова оказались «лицом к лицу» на встречных курсах, Кира на миг действительно видит лицо итальянца, в шлемофоне, без очков, и взгляды их встречаются, чтобы сразу же разойтись. Но мгновенное впечатление от этой встречи остается, как моментальная фотография, буквально выжженная ярким солнцем и кипящим в крови адреналином на серой поверхности Киринового мозга, который занят в этот момент совсем другим.

Объяснить, что Кира тогда почувствовала, невозможно.

Нет таких слов. Ее понял бы, вероятно, волк, промахнувшийся по оленю. А нормальным людям такое не дано и не надо. Она дала – «для порядка» – длинную очередь вдогон, но, увы, безрезультатно. Выходило, что они с итальянцем только посмотрели друг на друга и чинно разошлись. Такого не должно было случиться, ведь в маневре Кира получила явное преимущество, однако реализовать его не сумела. А, кроме того, оторвалась от ведомого, потеряв того где-то на подъеме, и осталась одна.

Она в последний раз посмотрела вслед уходящему «макки» и, развернувшись, на максимальной скорости пустилась догонять своих.

Глава 3

Будильник, сука – убийца девичьих снов. Зазвонил, как водится, не вовремя и звонил, звонил... А Кира после двух дней «в седле» устала так, что и восемь часов сна показались ей каплей в море. Но если труба зовет... Она поднялась с постели только из чувства долга, да еще, быть может, из-за ощущения смутной тревоги, которое давно – еще в детстве – научилась принимать всерьез. Мать, бывало, говорила о таком – вещует, де, сердце, и возможно, права была покойница. Кержачки, которые умом не тронулись или в оборотни не подались, – все ведьмы. Такой и Кира уродилась. Чего не знала, всегда угадывала. И в то утро тоже почувала – «оно!». Соскребла себя с койки. Умылась, прихорошилась, в смысле причесалась, надела старенькую и порядком вылинявшую винтажную тужурку довоенного покроя, но с актуальными знаками различия, и повязала шейный платок. Нацепила темные очки, чтобы скрыть нездоровую красноту глаз, вышла на веранду, тянущуюся вдоль всего фасада, и огляделась, узнавая привычную суету. Все-таки не тревога, скорее, праздник.

«Гости приехали!»

– Кого это к нам ветром занесло? – спросила, закуривая и стараясь не косить глазом на соседа.

– А черт их знает, папуасов, командир! – Львов сидел в

старом плетеном кресле, положив ноги в войлочных тапочках на перила, читал книжку, курил. Казался умиротворенным.

«И ведь как специально!»

«Таких совпадений не бывает!» – подумала она в то свое первое утро в полку, обнаружив, кто является ее соседом по коттеджу. Но и подозревать «заговор и коварство», тем более «коварство и любовь» было вроде бы не с чего. Приходилось принимать как есть: жизнь ведь, действительно, на то и жизнь, чтобы никто не заскучал.

– Что читаете? – все-таки не удержалась, посмотрела на поручика, мазнула быстрым взглядом по небезупречному, но скорее приятному, чем наоборот, профилю, привычно «споткнувшись» о шрам на нижней челюсти.

– «Основы метафизики нравственности», – Львов не выпендривался, он действительно читал Канта.

«Безумие какое-то!» – застонала мысленно Кира, готовая заорать, но при этом твердо знавшая, что никогда этого не сделает.

– И как вам? – спросила вслух, стараясь казаться равнодушной.

– Сказать, что божественно? Так не поверите же.

– По-моему, скукотища, – пожала плечами Кира, вспомнив кантовскую заумь про категорический императив и автономную этику.

– В переводе читали?

– Нет, – зло усмехнулась Кира, которую Львов временами доводил до белого каления, – наслаждалась подлинником.

– Значит, вы, командир, женщина не только умная, но и образованная, что, учитывая все прочие ваши достоинства...

– Хотите на гауптвахту, Яков Иванович? – прищурилась Кира. – Ненадолго. Денька на три, пока не распогодится. – Глянула она на обложенное облаками небо. – Как думаете?

– Я к вам с разговорами не приставал, командир, – Львов демонстративно открыл книгу и уперся взглядом в текст.

«Это точно, сама пришла...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.